

ей все поэтическое, чему онъ научился и что давало ему такъ часто успѣхъ. Но Сусанна вдумчиво и печально отталкивала его отъ себя. Наконецъ, исчерпавъ свое краснорѣчіе, онъ сказалъ:

— Ну, теперь, когда я видѣлъ ваше лицо, вамъ можно не бояться, что я услышу вашу голосъ.

Эти слова вырвали Сусанну изъ ея мечтаній. Она вздрогнула, жизненныя краски пошли по ея лицу, глаза заблестѣли. Эдуардъ не предполагалъ, какъ сильно, какъ испытующе было дѣйствіе его словъ. Тщетно подождавъ отвѣта, онъ прибавилъ съ нетерпѣливой просьбой:

— Вы-же не нѣмая!

Сусанна вздрогнула. Это случайное слово было не испытаніемъ—это было посягательство.

Ничто на свѣтѣ, ни слово, ни музыка, ни поэзія не смогутъ выразить перваго крика, вырвавшагося изъ груди Сусанны, крика ребенка и дѣвственницы, въ которомъ трепетали всѣ струны возвышеннаго аккорда. И, вырвавшись изъ объятій Эдуарда, она упала на колѣни. Сперва она молилась Богу, потомъ въ любовномъ порывѣ назвала имя своего возлюбленнаго.

Это было странное зрѣлище—эта молодая женщина въ домино съ распущенными волосами, склонившаяся ницъ, а передъ нею молодой человекъ, который смотрѣлъ на нее съ невыразимымъ смущеніемъ, не понимая ни этой пламенной молитвы къ небу,